

⁵⁸ Святая Русь... № 133–134. Ср. с лубком: Le loubok: L'imagerie populaire russe XVIIe–XIXe siècles. Leningrad, 1984. № 119.

⁵⁹ Немировский Е.Л. Возникновение книгопечатания в Москве. М., 1964. С. 51, 113, 131, 140–141, 208 и др.

⁶⁰ Ополовников А.В. Русское деревянное зодчество. М., 1986. № 277. С. 218; № 281–284. С. 221.

N.A. Krinichnaya. Grass potions and wonder roots... (mythological ideas concerning vegetable paraphernalia of medicine men)

The article offers an ethnofolkloristic study in the ancient books of medicinal herbs (in Russian – *travniki*) that were popular in the Russian North in the 18th – 19th centuries. It discloses the nature of their mythological ideas and notions due to which the herbs are worshipped or deified. The author has correlated the data of the «*travniki*» with relevant mythological stories and beliefs as well as with works of decorative and applied arts.

© 1999 г., ЭО, № 4

Л.А. Иванова

КУКОВСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ ПЕТРОВСКОЙ КУНСТКАМЕРЫ: МИФ И РЕАЛЬНОСТЬ

Гавайские перьевые накидки

28 октября 1998 г. исполнилось 270 лет со дня рождения великого английского мореплавателя и ученого Джеймса Кука. Огромен, бесспорен и общепризнан его личный вклад в развитие нескольких наук, в первую очередь навигации, географии и народоведения. Его точные и емкие дневниковые записи наряду с коллекциями, собранными им самим, а также участниками трех его кругосветных плаваний, создали источниковедческую базу нескольких наук, включая этнографическую и музейную. Вообще же количество этнологических, биологических и геологических экспонатов, доставленных в Европу участниками трех его плаваний, было чрезвычайно велико и, по-видимому, исчислялось тысячами экземпляров¹. Публикация результатов его экспедиций и знакомство образованной публики с «рукотворными диковинками» обитателей Океании и Северной Америки положили начало целенаправленному научному коллекционированию этнографических материалов. Постепенно они оседали в государственных и личных хранилищах, нередко меняли владельцев и порой утрачивали связь с именами своих собирателей, не исключая самого капитана.

Именно это произошло и с попавшим в Петровскую Кунсткамеру собранием этнографических редкостей, как считается, из Океании и Северной Америки, собранных третьей экспедицией Дж. Кука (1776–1780 гг.). В Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН и научной литературе его для краткости называют Куковским. Так же оно будет обозначаться и в настоящей статье. Большая часть его экспонатов «растворилась» в других коллекциях, зато ряд предметов, вошедших в него, на самом деле не имеет отношения к куковским сборам или же такая связь пока не подтверждена документами. За 218 лет хранения собрание утратило реальные контуры и приобрело мифические очертания, главным образом за счет привнесения в него пяти перьевых накидок с Гавайских островов (колл. № 505-9, 12, 17, 18, 19), а также четырех шерстяных плащей (колл. № 2520-4, 5, 6, 7) и двух перьевых накидок (колл. № 2520-8, 9) из Северной Америки. Собрание зарегистрировано в двух коллекциях музея: № 505 (океанийская часть) и № 2520 (североамериканская часть).

Первую попытку разобраться в составе североамериканской части Куковского собрания МАЭ сделала Е.А. Окладникова. Ей удалось доказать принадлежность двух накидок (№ 2520-8 и 2520-9), ранее считавшихся куковскими, к сборам Ильи Гавриловича Вознесенского² и определить их культурную принадлежность индейцам-конкоу, а не тлинкитам Северной Америки³ или аборигенам пролива Принца Уильяма⁴. Автор настоящей статьи критически рассматривает куковское происхождение пяти других перьевых накидок (№ 505-9, 12, 17, 18, 19) из Океании, с Гавайских островов, но предварительно следует сказать несколько слов об истории и типологии этой категории вещей.

Гавайские перьевые изделия известны в Европе со времен возвращения на родину участников последней кругосветной экспедиции уже покойного к тому времени Дж. Кука. По иронии судьбы английский мореплаватель погиб в стычке с туземцами 14 февраля 1779 г. в бухте Кеалакекуа на о-ве Гавайи, одном из островов открытого им архипелага. Открытие группы островов, названных Дж. Куком Сандвичевыми (ныне Гавайские), стало пиком его карьеры и одновременно самым значительным географическим результатом его последнего плавания. В этнографическом плане им было знакомство с богатой материальной культурой гавайцев, одним из достижений которой являлись перьевые изделия.

Набор этих предметов, доставленных в Европу, весьма разнообразен: плащи и накидки, шлемы и валики к ним, штандарты, объемные изображения божества войны и уникальная, также объемная модель святилища, венки для головы и шеи, веера, погремушки с дисковидными перьевыми навершиями, так называемые перьевые глаза идолов и «передники». Красота этих вещей, особенно шлемов, плащей и накидок, поразила бывалых путешественников. Так, капитан Кук писал о плащах, что они «близки по размеру и форме тем, что в Англии носят женщины. Их основа – плетеная сетка, поверх которой укреплены превосходные красные и желтые перья столь плотно, что [образуемая ими] поверхность может быть сравнима с поверхностью самого толстого и богатого бархата, который она напоминает как на ощупь, так и блестящим внешним видом»⁵. А помощник хирурга Дэвид Самвелл сообщал: «Накидки делаются из тонкой плетенки, в которую весьма любопытным образом вплетаются красные и зеленые перья. Длина их различна, некоторые доходят только до талии, некоторые – до земли. Даже европейские мастера не способны были бы изготовить одежду подобной красоты и роскоши. Низкие вожди носят накидки из хвостовых петушиных перьев с воротником из красных и желтых перьев, иногда эти накидки белые и оторочены петушиными перьями. У некоторых первостепенных вождей накидки делаются из красных и желтых петушиных перьев с воротником из красных и желтых перьев. У некоторых желтые накидки наподобие описанных выше, но у них глянцевитая поверхность, и на расстоянии они производят очень эффектное впечатление»⁶.

Позднее исследованию плащей и накидок гавайцев были посвящены десятки работ, но лишь две из них – Те Ранги Хироа и Э. Кэпплер оказались доступны мне. В книге «Гавайские искусства и ремесла» Те Ранги Хироа рассматривает вопросы типологии и хронологии гавайских плащей и накидок, собранных в конце XVIII–XIX вв. Согласно Те Ранги Хироа, общее название их – 'аху'ула – «красная одежда». Основой ее служила плетеная сетка наподобие рыболовной, сшитая из отдельных кусков по форме кроя. На нее рядами крепили снизу вверх птичьи перья, так чтобы каждый следующий ряд отчасти накрывал предыдущий, т.е. внахлест. Однако, как указывал Те Ранги Хироа, существовали накидки, крытые кусочками птичьей кожи с перьями.

По форме он различал два типа накидок: прямоугольную и круглую – и полагал, что на ранних накидках превалировал красный фон, а перья желтого и черного цветов использовали для отдельных элементов декора. Лишь позднее, по мнению Те Ранги Хироа, появляются изделия с желтым фоном, узоры на котором выложены красными и черными перьями. Это положение находится в явном противоречии со сведениями Д. Самвелла, заставшего в 1779 г. на Гавайских островах накидки и с красным, и с желтым фоном. По данным Те Ранги Хироа, правом носить перьевые изделия обла-

дали только вожди высоких социальных рангов, так как, по представлениям гавайцев, красный цвет – символ богов и вождей⁷.

Позднейшая классификация исследовательницы Э. Кэплер касается накидок, привезенных из третьего плавания, и основана на различиях в крое ворота – прямом и с выемкой по шее. Правда, иногда она определяет накидку по ее форме как «трапециевидную»⁸. Знакомство с опубликованными экземплярами накидок позволяет установить несколько их характерных особенностей: прямая или вырезанная по шее горловина различной глубины; прямые или слегка вогнутые борта; прямая или слегка выпуклая линия подола. Однако нередко подол имеет форму длинной дуги, многократно превышающей длину верхнего края изделия. При ношении это определенно создавало декоративный эффект в виде волнообразных продольных фалд. Длина накидок, по данным Э. Кэплер, варьирует от 27 до 71 см, но преобладает 33–45 см, т.е. они достигали нижнего края лопаток, иногда талии. Их завязывали спереди, на груди или шее двумя тесемками, отходящими от углов ворота, и, следовательно, борта находились спереди. Так во всяком случае следует из двух часто воспроизводимых в литературе портретов под одинаковым названием «Гавайский мужчина в накидке и шлеме» работы художника экспедиции Джона Веббера.

До наших дней сохранились сведения о 3 перьевых плащах и 27 накидках, привезенных из последнего плавания (1780 г.). По данным Э. Кэплер, на 1978 г. в наличии имелись только 16 накидок и два плаща⁹. Считается, что Музей антропологии и этнографии – один из наследников Петровской Кунсткамеры – обладает 5 из 16 дошедших к настоящему времени накидок¹⁰. История их появления в Петербурге связана с предпоследним годом работы экспедиции Дж. Кука.

После гибели капитана по его предварительному, оставленному на случай смерти распоряжению командование перешло к капитану Чарлзу Клерку. Уже на следующий день после похорон убитого, 23 февраля 1779 г., плавание возобновилось. Следуя инструкциям Адмиралтейства, Ч. Клерк продолжил начатые в предыдущую навигацию поиски прохода из Тихого океана в Атлантический и направил свои корабли на север. Но в апреле он был вынужден зайти в Петропавловскую гавань на Камчатке для пополнения запасов продовольствия и ремонта судов. Стоянка длилась полтора месяца – с 29 апреля по 12 июня.

Здесь, на Камчатке, англичанам были оказаны радушный прием и безвозмездная помощь. В знак благодарности они подарили «командиру Камчатки»¹¹, за которого приняли отставного премьер-майора Магнуса Карла Бема, «комплект оттисков с гравюр и карты (a set of prints and maps), относящиеся к предыдущему путешествию капитана Кука»¹². При посещении Бемом кораблей ему показали, как писал Д. Кинг, «различные диковинки, собранные нами во время нашего путешествия, а капитан (Ч. Клерк. – Л.И.) подарил ему полный набор предметов каждого вида»¹³.

Зимой следующего, 1780 г. М.К. Бем доставил в Петербург полученные экспонаты и передал их генерал-прокурору Сената князю Александру Алексеевичу Вяземскому, через которого вместе с сопроводительным письмом и описью они поступили в Императорскую Академию наук. Далее публикуются писарские копии письма и Описи. В записке А.А. Вяземского говорилось: «Государь мой Сергей Герасимович¹⁴. Ея Императорское Величество высочайше указать соизволила, привезенные в нынешнем году майором Бемом из Камчатки разные тамошние вещи отдать в Академию Наук для хранения в Кунсткамере; почему имея честь оныя препроводить к вам по приложенной при сем описи; пребываю в прочем с моим почтением всегда.

Вашего превосходительства Государя моего покорный слуга Князь Александр Вяземской. Марта 19 дня 1780 года*».

Далее следует сама Опись¹⁵, которая повторена здесь по схеме копии.

* Здесь и далее сохраняются особенности написания документов, включая описки, сокращения, заглавные буквы, пунктуацию.

Опись вещам привезенным из Камчатки майором Бемом 1780 года

№	Звание вещей	Откуда получены
---	--------------	-----------------

в большом сундуке

1. Пятнадцать эстампов, на коих изображены разных островов жители, как то:

На 1-ом оттагетская ^{1*} дама	}	южн. море
- 2. оттагетской король		под 17,5 град. к югу
- 3. оттагетской житель.		
- 4. житель амстердамской	}	21 гр. южн. широты
или приятного острова		
- 5. камедонской ^{2*} житель. - 23 гр. южн. шир.		
- 6. житель маркизада ^{3*} . - 13 гр. юж. шир.		
- 7. дама того же острова. - 13 гр. юж. шир.		
- 8. житель новой Зеландии. - 40 гр. юж. шир.		
- 9. житель Фуежской Земли / Terra del Fuego/ ^{4*} . - 50 гр. юж. шир.		
- 10. картина, изображающая сторону маркизада		
- 11. картина, изображающая сторону Фуежской Земли.		
- 12. картина, изображающая сторону Приятного острова.		
- 13. девица восточной Эйландии ^{5*} - 22 гр. юж. шир.		

Сим 13-ти эстампам приложено при оных описание на немецком языке.

- 14 и 15 что оне значат, подписано карандашом по аглински. 2. Камчадалское праздничное самое лучшее платье, парка называемое, которое носят мужчины и женщины. 3. Кожа Камчатского водянахо зверя Нерпа, снятая таким образом, что оную надувать можно 4. Сеть рыболовная из лык, употребляемая у жителей приятного острова, которой лежит под 22 градусом от севера к югу^{6*} и не принадлежит никакому владению. 5. Деревянная подушка на 4-х ножках на подобие скамейки 6. Каменной топор с деревянным топорисцем. 7. Опахало из черных длинных перьев на подобие метлы. 8. Опахало круглое пестрое из мелких перьев красного и желтого цвета. 9. Опахало перьяное плоское. 10. К ним палочка с круглым деревянным набалдашником. 11. Деревянной кинжал сверху украшенный Звериным хвостом.	из Камчатки из Камчатки из приятного острова
Убор владетеля приятного острова, которого там называют королем.	
12. Шишак из черного мелкого перья, украшенной желтым. 13. Перьяной ошейник. 14. Перьяная ментя. 15. Деревянная булава с резьбою. 16. Перьяной нагрудник, обложенной белым мехом на подобие бахромы. 17. Деревянной кинжал.	из приятного острова

Убор солдатской того ж острова

18. Шишак из мелкого желтого и красного перья.
19. Ментя из мелкого желтого и красного перья.
20. Ошейник из такого ж перья.
21. Кушак, плетеной из коренья.
22. Нагрудник из синяго перья, обложенный белым мехом на подобие бахромы.

№	Звание вещей	Откуда получены
23.	Мушельный ^{7*} нарукавник.	
24.	Нарукавник из красных мелких перьев с выведенными фигурами желтого цвета.	
25.	Нарукавник из звериных клыков.	
26.	Деревянной кинжал с лопаткою, которая обложена острыми Зубами.	
27.	Четырнадцать кусков материи на подобие набойки и холста, из лык деланной.	
28.	Деревянной вальок, которым делают таковыя материи.	
29.	Ковер из травы плетеный.	
30.	Намет двойной для палатки из темновишневои и желтой лычаной материи.	из приятного острова
31.	Три Зефира из красных и желтых перьев.	
32.	Низка корольков ^{8*} .	
33.	Перломутовый женской передник из мелких продолговатых плоских штучек.	
34.	Два травяные и третий деревянной гребни.	
35.	Пягь уд ^{9*} , из коих одна деревянная большая и 4 костяных поменьше.	
36.	Деревянная черная лопатка.	
37.	Инструмент на подобие гребешка, которым жители приятного острова высекают на своих лицах разные для украшения узоры.	
38.	Киса ^{10*} .	
39.	Несколько ниток разного бисера.	
40.	Круглой черной маленькой камень на котором растирают краску.	
41.	Два музыкальные инструмента из тростяных трубок.	
42.	Травяная решеткою выплетенная женская Епанечка ^{11*} .	
43.	Веревка, сплетеная из жил.	из острова Унимака, который лежит против американского мыса Алякса ^{12*}
44.	Алеутская рубашка из пузырей.	
45.	Два ножа, сделанные от господина Бема из камчатского железа для пробы. в малиняном ящике	
46.	Модель алеутской байдары в длинном футляре	из острова Унимака
47.	Королевское копье	из приятного острова
48.	Королевская охотничья стрела	

1* Таитянская.

2* Каледонский, т.е. житель о-ва Новая Каледония.

3* Житель Маркизских островов.

4* Житель Огненной Земли.

5* О-в Пасхи. Вероятнее всего, было произнесено «истэ айленд» (Easter Island), но воспринято как «истланд» (East Island) и соответственно на русский передано «восточная Эйландия».

6* Судя по всему, имелось в виду «к югу от экватора».

7* Браслет из раковин.

8* Бусы из коралла или стекларуса.

9* Удочка; рыболовный крючок.

10* Кожаный или суконный мешок. В данном случае – сумочка-корзинка.

11* Уменьшительное от *епанчи* – верхней женской одежды в виде широкого плаща.

12* Аляска.

Публикуемый здесь список, как уже отмечалось, – не оригинал Описи Бема, а всего лишь его писарская копия. По-видимому, идентичная копия в 1978 г. была издана в переводе на английский Я.М. Светом и С.Г. Федоровой¹⁶, но он малодоступен отече-

ственному исследователю. Этот список также хранится в Петербургском филиале Архива РАН, но имеет другой шифр¹⁷. Сверка текстов показала тождественность обоих списков Описи Бема, за исключением одного разночтения¹⁸ и уточнения переводчиков к № 31: «три зефира [веера] из красных и желтых перьев»¹⁹. Отмечу сразу же, что в Куковской коллекции МАЭ им соответствуют три гавайские перьевые накидки (№ 505-17, 18, 19), которым собственно и посвящена данная работа.

В любом случае возникает вопрос: что позволяет считать обе копии Описи Бема списком подарков, полученных им в 1779 г. от англичан на Камчатке? Ни записка А.А. Вяземского, ни копия Описи не содержат упоминаний ни о Дж. Куке, ни о его спутниках, ни об имевшем место дарении. На это обратил внимание еще первый Ученый хранитель МАЭ Ф.К. Руссов²⁰ в большой статье, посвященной истории формирования коллекций Музея и опубликованной в 1900 г.²¹ С моей точки зрения, доказательствами принадлежности подавляющего большинства перечисленных предметов к куковскому плаванию служат географические названия. Во-первых, это «Приятный остров». Так в конце XVIII в. переводили на русский язык название «The Friendly Islands», данное Дж. Куком всему архипелагу Тонга. Позднее в России употреблялось другое значение прилагательного «friendly» – «дружеские»²². Во-вторых, это упоминаемые в перечне эстапов острова тропической зоны Тихого (Таити, Маркизские, Новая Каледония, Новая Зеландия, Пасхи) и южной части Атлантического и Тихого океанов (Огненная Земля), которые исследовал Дж. Кук во втором кругосветном плавании (1772–1775) и куда российские корабли в XVIII в. еще не ходили. Все это позволяет отбросить сомнения в принадлежности перечисленных в Описи Бема предметов к плаванию Дж. Кука.

Что касается численности и состава переданной Бемом коллекции, то его Опись имеет 47 порядковых номеров (здесь не учитываются 15 гравюр, записанных под № 1), хотя фактически коллекция содержала не менее 70 предметов (неясно количество ниток бисера в порядковом № 39). При этом из Океании, с «Приятного острова», происходят не менее 63 предметов. Из семи остальных: два предмета – с Камчатки (№ 2 и 3 Описи Бема,), два (железные ножи) – лично от Бема (№ 45) и три – с о-ва Уника (№ 43, 44, 46). Три последних – веревка из жил, рубашка из пузыря, модель алеутской лодки – довольно трудно принять за чегыре одеяла (№ 2520-4, 5, 6, 7) и две перьевые накидки (№ 2520-8, 9) из Северной Америки. Таким образом, даже поверхностное знакомство с Описью Бема развенчивает представление о североамериканских шерстяных одеялах и перьевых накидках в составе Куковской коллекции МАЭ.

Относительно перьевых накидок из Океании следует отметить, что первое упоминание о них в литературе встречается во втором, опубликованном в 1800 г. издании книги О.П. Беляева²³ «Кабинет Петра Великого». Там содержатся перечень и краткие характеристики многих этнографических предметов Петровской Кунсткамеры XVIII в., в том числе и куковских, правда, без соотнесения имен дарителей с их коллекциями. Тем не менее приводимые автором сведения о конкретных предметах сопоставимы с рядом вещей, фигурирующих в Описи Бема. В указанном ниже перечне книги О.П. Беляева их порядковые номера даны мною в квадратных скобках: «Две мантилии, составленных из прелестнейших желтых и красных попугаевых перьев [14, 19]. Три разного вида опахала, сделанных из разноцветных попугаевых же и других птиц перьев [7–9]. Два шишака, выплетенных из тонких древесных волокон, и украшенных сверху разноцветными попугаевыми перьями [12, 18]. – Два ошейника, состоящих из таковых же разноцветных перьев [13, 20]»²⁴. Никаких упоминаний о «зефирах» в работе О.П. Беляева нет.

Следующее, уже аналитическое обращение к океанийской части Куковской коллекции относится к 1890-м годам. Как явствует из печатных протоколов общего собрания Императорской Академии наук, на заседании 13 февраля 1893 г. рассматривалась «Записка» Ученого хранителя МАЭ Ф.К. Руссова о находке им во II Отделении Библиотеки Академии наук 9 из 15 гравюр, перечисленных в Описи Бема. «Записка» содержала чрезвычайно важное замечание: «...Мне удалось из хранившихся в Музее

предметов почти сполна восстановить коллекцию Бема, собственно Кука... [курсив мой. — Л.И.]»²⁵. По существу, это признание того факта, что к концу XIX в. Куковского собрания Кунсткамеры как единого, а главное достоверного, целого уже не существовало. Другими словами, та коллекция, которую в МАЭ и в научной литературе считают Куковской, — это всего лишь реконструкция.

Некоторые итоги своей реконструкции Ф.К. Руссов подвел в упоминавшейся выше статье 1900 г. Одним из них было определение культурно-географической принадлежности океанийской части коллекции: «...Бемовское собрание... согласно подлинному списку, кроме отдельных немногих предметов из Камчатки и от алеутов, содержит только австралийские вещи, будто из Тонга-Табу (Амстердам, или Приятный остров). В действительности, оно преимущественно состоит из предметов с островов Дружбы, Общества и Сандвичевых [Тонга, Общества и Гавайских]»²⁶. Другой итог непосредственно касался гавайских перьевых накидок. В разделе «Австралия» Ф.К. Руссов писал: «В этой исторической последовательности, начиная с Полинезии, мы должны сначала отметить собрание с Сандвичевых, или Гавайских, островов, в котором сохранилось некоторое число ставших теперь уже редкими перьевых воротников, или накидок, наряду с парой перьевых шлемов. Поименно имеются: 1) от Кука, обозначенные в существующей старой Описи [Бема], как одежда королевская или вождеская: черный перьевого шлем, с желтым перьевым же украшением сверху по гребню. Вероятно, к нему [шлему] принадлежит *короткий перьевого плащ* [накидка] с белым фоном (здесь и далее курсив мой. — Л.И.), широкой каймой из пестрых куриных перьев и широким воротником со следами желтых и красных перьев; как одежда воина обозначены: шлем со следами красных и желтых перьев и довольно хорошо сохранившаяся *накидка желто-красных перьев*, кроме того *такая же накидка меньшего* [размера]*; 3) *две желто-красные перьевые накидки* из Морского Музея (1827)»²⁷.

Таким образом, Ф.К. Руссов постулирует смешанное происхождение экспонатов Куковского собрания, а именно с архипелагов Гавайского, Общества, Тонга, и увеличивает количество гавайских перьевых накидок в нем с двух до трех. Причины изменения культурно-географической принадлежности экспонатов и одновременно сам метод реконструкции учебного можно понять, обратившись к 3 из 18 сохранившихся при коллекции этикеток XVIII в.²⁸ и еще к одной, написанной самим Ф.К. Руссовым. На этих четырех этикетках он сделал отсылки к атласам второго и третьего путешествий Дж. Кука и рисункам в книге художника Л. Хориса²⁹, участника кругосветного плавания на бриге «Рюрик» (1815–1818) под командованием О.Е. Коцебу. Это отсылки к изображениям вещей, зарисованных непосредственно на месте приобретения и аналогичных тем, что находились в МАЭ. Следовательно, гетерогенный состав Куковской коллекции МАЭ был установлен Ф.К. Руссовым методом сопоставления опубликованных предметов с надежной атрибуцией и музейных экспонатов неопределенного или сомнительного происхождения. Однако хотя эта работа и была сделана в высшей степени корректно, она никак не объясняет включения им в Куковскую коллекцию еще одной, третьей, гавайской накидки, история попадания которой в музей до сих пор неизвестна. К сожалению, сам Федор Карлович не высказался печатно на эту тему. Попробуем представить ход его рассуждений, основываясь на тех материалах (документах и свидетельствах), которые здесь приведены и были ему знакомы.

В следующих рассуждениях я исхожу из двух фактов. Первый: к началу 90-х годов XIX в. хранившиеся в музее экспонаты, в том числе и гавайские накидки, еще не были зарегистрированы³⁰, т.е. не имели коллекционных номеров и описей. Второй факт касается оригинальных этикеток к накидкам. Если во времена Ф.К. Руссова они и существовали, то отдельно от самих предметов³¹. В противном случае проблема соотнесения накидок с тем или иным дарителем просто не возникла бы. Иначе говоря, «восстанавливая» коллекцию Дж. Кука, Ф.И. Руссов выбирал в «море» незарегистри-

* В цитате опущен второй пункт, касающийся единственного гавайского плаща в МАЭ, принадлежавшего знаменитому Камамеа I, поскольку плащ не имеет отношения к теме данной статьи.

рованного материала те вещи, которые соответствовали кратким характеристикам Описи Бема, книги О.П. Беляева и опубликованным аналогам³². Что касается пяти гавайских накидок, то предстояло отобрать две, привезенные Бемом. Определить одну из них было сравнительно легко.

Это трапециевидная короткая (44 см) накидка с прямым верхним краем и центральным полем из белых перьев фрегата, которое с четырех сторон окаймляет полоса петушиных перьев черного и рыжевато-коричневого цветов. Вдоль верхнего участка каймы пришит отложной прямоугольной «воротник» (10 × 73 см) из циновки, покрытый кусочками птичьей кожи со следами красных и желтых перьев³³. Впоследствии экспонат получил коллекционный № 505-9. Только эта накидка соответствовала описанию Д. Самвелла, приведенному ранее: «...с воротником из красных и желтых перьев, иногда эти накидки белые и оторочены петушиными перьями». Только она одна схожа (каймой по бортам и крупными перьями) с теми, что прикрывали плечи гавайцев на двух упоминавшихся уже портретах Д. Веббера. И только она одна резко отличалась от остальных четырех, изготовленных из мелких красных и желтых перьев.

С одной стороны, сходство с описанием Д. Самвелла и рисунками Д. Веббера бесспорно свидетельствовало о куковской принадлежности белой накидки. С другой стороны, в Описи Бема только два перьевых предмета, а именно «ошейник» и «ментея» «владельца Приятного острова», лишены каких бы то ни было определений по части цвета и размера пера, тогда как остальные имели краткие характеристики: «из черных длинных перьев», «из мелких перьев красного и желтого цвета», «из синего перья», «из красных мелких перьев с выведенными фигурами желтого цвета».

Вероятно, именно отсутствие характеристики и позволило Ф.К. Руссову идентифицировать ментею под № 14 Описи Бема с белой накидкой. На этикетке XVIII в. с надписью «Мантилия» он поставил карандашом цифру «14», а также сделал навесную бирку-этикетку со словами «Бем № 14». Позднее на них проставили коллекционный № МАЭ 505-9.

Значительные, почти непреодолимые трудности ждали Ф.К. Руссова при идентификации с документами остальных четырех накидок. Каждая из них имела индивидуальные особенности, но в то же время подпадала под характеристику «из желтого и красного пера». Одна из них указана в Описи Бема под № 19 – «ментея из мелкого желтого и красного перья». Две другие поступили из музея, принадлежавшего Адмиралтейскому департаменту, расформированному после декабрьского восстания 1825 г. («Морской Музей» Руссова).

Этнографические коллекции этого музея состояли главным образом из сборов участников российских кругосветных и полукругосветных плаваний первой четверти XIX в. Наличие в них перьевых накидок отражено в документе, называемом «Ведомость Редкостям, отданным из Музеума бывшего Государственного Адмиралтейского Департамента в Императорскую Академию Наук»³⁴, с которым был знаком и Ф.К. Руссов³⁵. В разделе «Сандвичевы острова» упомянутой «Ведомости...» значилось: «Пелеринок из перьев две». Наконец, последняя, четвертая «желто-красная» накидка не имела документов о поступлении в музей или же они не были обнаружены.

Правда, имелось свидетельство О.П. Беляева 1800 г. о существовании в XVIII в. в Петровской Кунсткамере двух «мантилий», составленных из «прелестнейших желтых и красных попугаевых перьев». Вроде бы белую накидку трудно надеть подобными эпитетами, и можно допустить, что О.П. Беляев просто проигнорировал ее. Рассуждая таким образом, Ф.К. Руссов мог сделать вывод о наличии в музее к концу XVIII в. не двух, а трех гавайских накидок: одной белой и двух «желто-красных». Однако две последние не были идентифицированы с конкретными экспонатами из-за скудости их характеристик. Ф.К. Руссов знал не только о свидетельстве О.П. Беляева, но и о других возможных источниках поступлений в Кунсткамеру материалов из третьей экспедиции капитана Кука³⁶. Они не рассматриваются в данной статье, так как не имеют отношения к тому собранию, которое было реконструировано в музее в самом

конце XIX в. и существовало как Куковское на протяжении следующих 100 лет. Исходным документом для этой реконструкции послужила *Опись Бема*, а конечным – *Опись коллекции № 505*.

Считается, что первая музейная *Опись Куковской коллекции (№ 505)* была сделана в 1899 г. Е.Л. Петри. Это рукопись на четырех листах большого формата без даты и фамилии регистратора. Судя по почерку и чернилам, она создавалась в три приема (№ 1–11; 12–29; 30–33), но только описания последних четырех экспонатов (№ 30–33) определенно сделаны рукой Е.Л. Петри. В эту опись и, следовательно, в коллекцию вошли 33 предмета. Напомню, что в *Описи Бема* их было не менее 63, т.е. почти в 2 раза больше. С реконструкцией Руссова ее сближают гетерогенное происхождение отдельных предметов с тех же самых архипелагов (Тонга, Таити и Гавайского), включение в состав коллекции белой гавайской перьевой накидки и идентификации ее с порядковым № 14 *Описи Бема*. Всего же в коллекцию № 505 вошли пять накидок с № 505-9, 12, 17, 18, 19. Все они, кроме предмета с коллекционным № 505-9, не имели этикеток XVIII в. (рис. 1). Коллекционный № 505-12 был проставлен на полоске бумаги с отсылкой Ф.К. Руссова к рис. 16 в книге Л. Хориса и проставлен ошибочно³⁷ (рис. 2). Остальные три накидки не имели никаких этикеток.

Идентификация всех «найденных» куковских предметов, включая накидки, указана в «Журнале поступлений Музея Антропологии и Этнографии», начатом не ранее 1862 г., куда была переписана с отдельными ошибками и неточностями *Опись Бема*³⁸. Здесь рядом с порядковыми номерами *Описи Бема* чернилами указаны порядковые номера Куковской коллекции № 505. В приводимой ниже табличке даны сопоставления номеров, касающихся перьевых гавайских накидок.

Таблица 2

№ п/п	Опись Бема	Колл. № 505
14	Перьяная ментея	505-9
19	Ментея из мелкого желтого и красного перья	505-12
31	Три зефира из красных и желтых перьев	505-17,13,19

В этой реконструкции 1899 г., которую, по-видимому, следует считать реконструкцией Е.Л. Петри, бросается в глаза отождествление трех накидок (№ 505-17, 18, 19) с тремя «зефирами» *Описи Бема*. Быть может основанием данной трактовки послужил англо-русский словарь, где «зефир» в последнем значении – это «накидка, легкая шаль». При формальном подходе можно решить, что речь идет о двух разных предметах, если не понять или не принять того, что слова «легкая шаль» уточняют слово «накидка». Но подобная трактовка «зефинов» *Описи Бема* сомнительна и не объясняет, почему предметы одного и того же класса Бем в двух случаях назвал «ментеями», а в трех других – «зефирами».

Еще одно толкование слова «зефир» предложили в переводе *Описи Бема* на английский язык Я.М. Свет и С.Г. Федорова: «Three zephyrs [fans] of red and yellow feathers – "веера"». Истоки этого понимания вполне очевидны: зефир, кроме поэтических образов и кондитерских изделий, ассоциируется в нашем сознании с греческой мифологией, с богом легкого и теплого ветра Зефиром, а также с ветерком, который можно произвести с помощью веера. Однако каждый из трех фигурирующих у Бема вееров (№ п/п 7, 8, 9) назван «опахало». Очевидно, что и такое толкование не соответствует истине.

В поисках понимания слова «зефир» приходится исходить из того, что во времена М.К. Бема, т.е. во второй половине XVIII в., оно могло иметь какое-то другое, забытое к концу XIX в. значение, и учитывать свидетельства Дж. Кинга и Д. Самвелла о немецком языке как языке общения при встрече весной 1779 г. на Камчатке российских чиновников с английскими моряками. Им владели М.К. Бем и его слуга Иоганн Даниэль Порт, а у англичан – художник экспедиции, швейцарский немец по происхож-

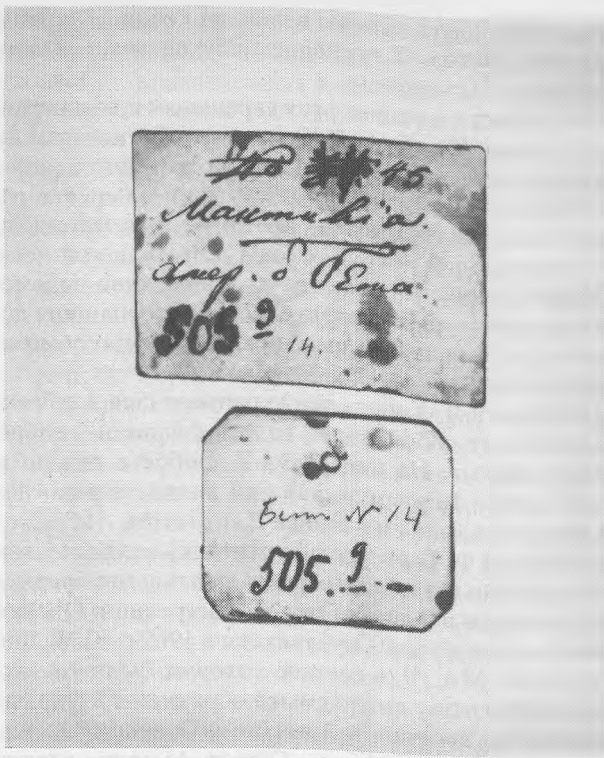

Рис. 1. Этикетка XVIII в. и навесная бирка Ф.К. Руссова конца XIX в.

Рис. 2. Этикетка Ф.К. Руссова со ссылкой на Л. Хориса и Опись Бема.

дению Джон (Иоганн) Веббер. Мне удалось обнаружить «Российский лексикон по алфавиту, с немецким и латинским переводом» Ф. Гелтергофа, изданный в 1778 г. (!). В нем сказано: «Зефир, м. 2. Westwind, zephyrus, faonius [favonius]; ein Hauptschmuck des Frauenzimmers, capitis ornamentum sexus muliebris»³⁹, т.е. «зефир, суц. м. р. 2-го скл. Западный ветер, легкий зефир; левицье головное украшение. женское головное украшение». Подставив это последнее, подчеркнутое в переводе значение к «зефирам» Описи Бема, читаем: «Три женские/девичьи головные украшения из красных и желтых перьев».

Знакомому с материальной культурой гавайцев прошлого или работой Э. Кэплер «Рукотворные диковинки» ясно, что имеется в виду разновидность перьевого украшения, так называемая леи. Они бывают двух видов: женские и мужские. Первые

напоминают состоящий из шнура-основы венок, на котором укреплены птичьи перья одного или нескольких цветов. В последнем случае участки перьев одного цвета чередуются с участками перьев другого.

Замечательное по точности описание этих украшений принадлежит перу помощника хирурга в третьем плавании Дж. Кука Д. Самвеллу: «По вечерам девушки одеваются более плотно и накидывают на себя большое полотнище белой материи, как это делают таитянки. Украшениями им служат серьги и ожерелья из перьев, которые носят на шее и на голове. Эти ожерелья – их гордость, и часто девушки обертывают четыре или пять таких изделий вокруг головы и два или три носят на шее, причем такие ожерелья очень красивы и делаются из прихотливо перемешанных красных, желтых, черных, белых и зеленых перьев. Ожерелье в толщину достигает примерно одного дюйма, и длина их такова, что ими можно свободно обмотать шею. Носят их только молодые женщины»⁴⁰.

На рисунках Д. Веббера и Л. Хориса леи украшают шеи и прически гавайских дам. Мужские леи представляют собой более толстые валики, «набранные» из многих одинарных шнуров с перьями. На портретах Д. Веббера они помещены на шлемы гавайских воинов. В Описи Бема мужская леи значится как «перьяной ошейник» (№ п/п 13, 20). Так же они названы и в Описи Е.Л. Петри.

Предлагаемую словарем Ф. Гелтергофа трактовку «зефира» как женского головного украшения желательно было подтвердить реальными предметами из МАЭ. По некоторым причинам поиски в фондах Отдела Австралии и Океании представлялись бесперспективными. Главная из них – публикация в 1960 г. Ю.М. Лихтенберг вроде бы всех гавайских коллекций МАЭ⁴¹, в составе которых были только две мужские леи (№ 505-8, 13) к шлемам. Поэтому имело смысл обратиться в фонды Отдела Америки, на протяжении нескольких десятилетий вместе с Отделом Океании составлявшего единый сектор. В настоящее время фонды Отдела Америки хранит Лидия Петровна Лисненко – глубокий исследователь и знаток американских материалов, ведущий большую трудоемкую работу по систематизации и атрибуции той части собрания, которая частично или полностью утратила сведения о назначении, происхождении и времени поступления в музей, сопоставляя буквально каждый экспонат с документами.

В апреле 1998 г. я изложила Л.П. Лисненко гипотезу о зефирах-леи, показала их изображения в «Каталоге» А. Кэпплер и попросила поискать похожие вещи среди тех, что она не признает «своими», американскими. Уже на следующий день я получила целый лоток с такими первыми изделиями. Среди них была по крайней мере одна бесспорная гавайская леи!

Обнаруженный Л.П. Лисненко экспонат внешне напоминает венки из перьев. Они укреплены перпендикулярно шнуру, свободные концы которого связаны. Плотность размещения перьев вокруг шнура не позволяет установить способ их крепления. В распрямленном виде венок представлял бы собой гибкий пушистый предмет цилиндрической формы длиной примерно 47 см и диаметром около 2–2,3 см, состоящий из крошечных перьев красного цвета около 1 см каждое. На его концах помещены два небольших пучка черных перышек. Шнур двупрядный, левостороннего кручения, изготовлен из волокна кокосовой пальмы. Вещь имеет коллекционный № 765-18.

Коллекция № 765 Отдела Америки – сборная по своему составу, т.е. включает предметы, полученные в разное время от разных лиц. Предполагается, что она была сформирована из бразильских материалов, поступивших в музей от лиссабонского лингвиста А.Г. де Араухо в 1791 г., от Г.И. Лангсдорфа – в 1820-е годы и от И.Г. Вознесенского – в 1840-е годы. Эти предметы выбраны из числа незарегистрированных к началу XX в. К.К. Гильзеном⁴².

Бесспорные музейные аналоги в «Каталоге» А. Кэпплер (рис. 93, 95), а также изображения леи в произведениях художников Д. Веббера и Л. Хориса позволяют однозначно атрибутировать перьевое украшение № 765-18 как гавайскую леи. Однако это еще не доказывает ее принадлежность к Куковской коллекции, привезенной М.К. Бе-

мом. Сегодня едва ли возможно обнаружить прямые доказательства этого, хотя существуют косвенные доказательства «от противного».

Насколько мне известно, в выявленных к настоящему времени и доступных мне списках океанийских вещей, которые поступали в музей в XIX в.⁴³, такой предмет не числится, и Описание Бема пока остается единственным документом, где леи фигурируют под названием «зефиры». Это и позволяет отождествить предмет под № 765-18 именно с одним из трех зефиров (с № п/п 31) Описи Бема.

Соответствующее эпохе и языку прочтение слова «зефир» в Описи Бема, а также наличие документа («Ведомость редкостям») о передаче двух накидок из Музея Государственного Адмиралтейского департамента заставляют обоснованно отказаться от еще одного из двух существовавших на протяжении последнего столетия мифов относительно Куковской коллекции МАЭ.

Это миф о пяти гавайских перьевых накидках в составе коллекции. Иначе говоря, следует отказаться от принадлежности к Куковской коллекции накидок № 505-17, 18, 19, которые Е.Л. Петри идентифицировала с «зефирами».

Среди 16 сохранившихся в мире накидок, привезенных из третьего кругосветного плавания Дж. Кука, чьи описания и атрибуции опубликованы в «Каталоге» Э. Кэплера, только эти три из МАЭ (№ 505-17, 18, 19) имеют подковообразную форму и вырез по шее. Остальные, включая два других экспоната из МАЭ (№ 505-9 и 12), трапециевидной или подпрямоугольной формы с прямым верхним краем. Изъятие этих трех предметов (№ 505-17, 18, 19) из общего числа делает всю серию из 13 оставшихся накидок однотипной, подтверждая тем самым правильность признаков, которые Э. Кэплер использовала для классификации этой категории гавайских изделий.

Наконец, находка Л.П. Лисненко гавайской леи (№ 765-18), упомянутой только в Описи Бема, позволяет сделать еще один шаг на пути реконструкции подлинного облика той Куковской коллекции МАЭ, которую в 1780 г. М.К. Бем привез с Камчатки. Начало этой работе было положено 106 лет назад кропотливыми и вдумчивыми изысканиями Федора Карловича Руссова – первого Ученого хранителя Музея антропологии и этнографии.

Примечания

¹ Представление об этих цифрах дает распродажа в начале XIX в. экспонатов частного музея Эштона Левера, в котором имелаась большая коллекция «натуральных и рукотворных диковинок», привезенных участниками третьего плавания Дж. Кука. В 1806 г. на аукционе в Лондоне за 65 дней было продано свыше 7800 лотов (предметов) этого собрания. См.: *Kaeppler A.L. «Artificial Curiosities» being an Exposition of native Manufactures collected on the three Pacific Voyages of Captain James Cook, R.N. // Bernice P. Bishop Museum Special Publication 65. Honolulu, 1978. P. 12.*

² *Окладникова Е.А. Дж. Кук, И.Г. Вознесенский и перьевые одеяла индейцев-конкоу // Кунсткамера: вчера, сегодня, завтра. Т. 1. СПб., 1997. С. 151–156.*

³ *Розина Л.Г. Коллекция Джемса Кука в собраниях Музея антропологии и этнографии // Сб. МАЭ. Т. XXIII. Л., 1966. С. 246; ee же. Коллекция третьей экспедиции Дж. Кука, хранящаяся в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого // Третье плавание капитана Джемса Кука. Плавание в Тихом океане в 1776–1780 гг. " Пер. с англ. вступ. ст. и коммент. Я.М. Света. М., 1971. С. 594; ee же. The James Cook Collection in the Museum of Anthropology and Ethnography, Leningrad // Cook Voyage Artifacts in Leningrad, Berne, and Florence Museums. Bernice P. Bishop Museum Special Publication 66. Honolulu, 1978. P. 10–11.*

⁴ *Kaeppler A.L. Op. cit. P. 265.*

⁵ *Captain Cook's Voyages. L.; P.; N.Y. 1908. P. 315.*

⁶ *Дневник помощника хирурга Д. Самвелла // Третье плавание... С. 548. Я вынуждена цитировать Д. Самвелла по переводу, в точности которого не уверена. К сожалению, в упомянутом выше издании Дж. Кука 1908 г. (на англ. яз.) дневник Самвелла отсутствует. Издание же Д. Биглехоула, которым пользовался Я.М. Свет, в Российской Государственной библиотеке (бывшая Библиотека им Ленина) «штабелировано» и сейчас не доступно для исследователей.*

⁷ *Te Rangī Hiroa. Arts and Crafts of Hawaii // Bernice P. Bishop Museum Special Publication 45. Honolulu, 1957. P. 218–224.*

⁸ *Kaeppler A.L. Op. cit. P. 63.*

⁹ *Ibid. P. 60–65.*

¹⁰ *Розина Л.Г. Коллекция Джемса Кука... С. 235–239; Kaeppler A.L. Op. cit. P. 63, 65, № 5, 13, 27–29.*

¹¹ С 14 марта 1779 г. обязанности Главного командира Камчатки исполнял капитан Василий Иванович Шмалев (см. о нем: *Алексеев А.И. Братья Шмалевы. Исторический очерк. Магадан, 1958*). Прежний командир Камчатки майор М.К. Бем к этому времени уже находился в отставке и ждал лета, когда открывался путь на материк. Именно В.И. Шмалеву принадлежали рапорт на имя А.А. Вяземского о посещении Петропавловской гавани англичанами, отчет о количестве предоставленного им провианта и упоминание о подарках. (См.: *Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. Сб. документов. М., 1989. Док. № 61. С. 183–186*).

¹² *Captain King. Remarks on Board His Majesty's Sloopthe «Resolution» // Captain Cook's Voyages. L.; P. N. Y., P. 419. «A set of prints and maps» Я.М. Свет переводит как «серию печатных карт». См.: Третье плавание... С. 499.*

¹³ *Captain King. Op. cit. P. 422.*

¹⁴ Сергей Герасимович Домашнев – действительный камергер, директор Императорской Академии наук.

¹⁵ Петербургский филиал Архива РАН (далее ПФА РАН). Ф. 3. Оп. 1. Д. 551. Л. 125–127 об. Оба документа находятся в толстом рукописном томе, на кожаном корешке которого золотом вытеснено «Журнал комиссии Академии Наук 1780 г.» и внизу «551». Том не имеет титульного листа и представляет собой беловые протоколы заседаний Академии наук.

Следует указать, что мое прочтение Описи Бема любезно проверил по ксерокопии документа чл.-корр. РАН С.А. Арутюнов и внес существенные исправления в чтение слов «ментея», «оттагетский», «малиняный». Моя искренняя благодарность Сергею Александровичу за помощь.

¹⁶ *Svet Y.M., Fedorova S.G. Captain Cook and the Russians // Pacific Studies. V. II. № 1. Fall, 1978. P. 16–19.*

¹⁷ ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 8. Коробка 27. Л. 43–44. По указанному шифру мне не удалось получить в архиве документ.

¹⁸ Переводчики читают «малиняный» [малиновый] ящик как «маленький».

¹⁹ *Svet Y.M., Fedorova S.G. Op. cit. P. 18.*

²⁰ О Ф.К. Руссове (1828–1906) см.: *Петри Е.Л. Федор Карлович Руссов. Первый Ученый хранитель МАЭ при ИАН // Сб. МАЭ. Т. I. Вып. X. СПб., 1911.*

²¹ Ф.К. Руссов писал: «С самого начала происхождение Куковского, кажется, собрания было предано забвению. Это становится понятным, когда читаем в сопровождающем коллекцию письме от 19 марта 1780 г. князя Вяземского, как Императрица предписала передать Кунсткамере камчатские предметы, привезенные майором Бемом. Но даже и в Журнале постановлений Академической Комиссии управления по приему вещей отсутствует как имя Кука, так и указание относительно времени коллекции, [представляющей] несомненно выдающийся интерес. То обстоятельство, что на старых этикетках, наряду с именем Бема, находится помета "из Камчатки", тем более могло способствовать тому, что через столетие никто уже не станет думать о Куке до тех пор, пока издателя новейшего времени как раз имя Бема направит на правильный след». *Russow Fr. Beiträge zur Geschichte der Ethnographischen und Anthropologischen Sammlungen der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zur St.-Petersburg // Сб. МАЭ. Т. I. Вып. I. СПб., 1900. С. 34–35.*

²² К 30-м годам XIX в. слово «friendly» стали передавать существительными «Дружества» и «Дружбы» (?). Последнее сохранилось в литературе до настоящего времени.

²³ О.П. Беляев (? – 1807) работал «при Кунсткамере и Библиотеке с 1783 г., первоначально в качестве переводчика, с 1789 г. в качестве кунсткамерского "помощника", а с 1797 г. – унтер-библиотекаря, в должности которого и проработал вплоть до дня своей смерти (1807 г.)» // *Станюкович Т.В. Кунсткамера Петербургской Академии Наук. М.; Л., 1953. С. 195, 230.*

²⁴ [Беляев О.]. Кабинет Петра Великого. Отделение второе. СПб., 1800. С. 229.

²⁵ Протоколы Императорской Академии наук. Общее собрание. № 11. Заседание 13 февраля 1893 г. § 19. С. 3. Цит. по оптику, находящемуся в Отделе учета и хранения МАЭ.

²⁶ *Russow Fr. Op. cit. S. 35.*

²⁷ *Ibid. S. 29–30.*

²⁸ Всего к настоящему времени сохранились 24 этикетки, наклеенные на два листа в конце Описи № 505 (Куковская коллекция). 18 из них по чернилам, палеографии и бумаге датируются XVIII в. Как писал Ф.К. Руссов, они сделаны из «разрезанных игральны карт, происходят во всяком случае не от Бема, потому что аналогичные обычно также находятся при старых предметах Музея» (*Russow Fr. Op. cit. P. 35*). Из шести остальных, датируемых XIX в., две частично дублируют старые этикетки, наклеенные здесь же, три указывают руссовскую идентификацию с Описью Бема и еще одна – узкая полоска бумаги с текстом, написанным также рукой Ф.К. Руссова: «Choris pl. XVI. Sand[wich] (неск. букв. неразб.). Behm 13 or 20». Четыре из шести этикеток – руссовские, две остальные – писарские, возможно, середины XIX в. Позднее, в 1899 г., на всех 24 этикетках были проставлены коллекционные номера МАЭ.

²⁹ *Choris L. Voyage pittoresque autour du monde. 1 ed. P., 1820, 2 ed. P., 1822.*

³⁰ По-видимому, существовали какие-то списки к сундукам, в которых хранили коллекции. Трудно сказать, по какому принципу заполняли сундуки – по именам дарителей, регионам, времени поступления, однородности материала? К сожалению, отсутствует (или мне неизвестна) мемуарная литература, которая отражала бы подробности организации музейного дела. Официальные документы Отдела учета и хранения МАЭ не позволяют этого предствать.

³¹ Естественно, что многие этикетки за два века хранения отделились от соответствующих предметов. Вероятно, до проведения регистрации коллекций, начавшейся в середине 90-х годов XIX в., такие этикетки находились в тех же емкостях, что и экспонаты. В процессе регистрации коллекций отпавшие этикетки наклеивали на листы бумаги и держали в описях или же наклеивали на специальные карточки-бланки. Во время регистрации нередко, а вернее, как правило, отделяли и те из этикеток, которые еще оставались на предметах.

³² Важно отметить, что к 1893 г. еще не существовало специальных работ по типологии, технологии изготовления или хронологии предметов культуры гавайцев. Работы У. Бригема и О. Дельтона вышли из печати соответственно в 1899 и 1897 гг. и дошли до России только в XX в. Следовательно, Ф.К. Руссов мог пользоваться лишь атласами в сочинениях кругосветных мореплавателей, в первую очередь самого Дж. Кука.

³³ *Розина Л.Г. Указ. раб. С. 238–239.*

³⁴ Документ существует в трех писарских копиях и хранится в Кабинете Австралии и Океании МАЭ. Шифра и пагинации он не имеет.

³⁵ Во втором экземпляре этого документа сохранились пометы Ф.К. Руссова.

³⁶ Ф.К. Руссов знал по крайней мере о двух дарениях: В.И. Шмалеву осенью 1780 г. во время второго захода английских кораблей на Камчатку. О коллекциях, полученных от И. Биллингса, вскользь упоминает О.П. Беляев. О трех других вероятных дарителях Ф.К. Руссов мог и не знать.

³⁷ В книге Л. Хориса на указанном рисунке изображены гавайские танцовщицы, шеи и головы которых украшены перьевыми венками. На рисунке нет ни одной фигуры в накидке, поэтому Ф.К. Руссов и отождествил эти венки с близкими им мужскими леи под № п/п 13 и 20 Описи Бема. (В Описи Бема они названы «перьевыми ошейниками».)

³⁸ Журнал поступлений МАЭ. Т. II. 1837–1877. Ф. К-IV. Оп. 1. № 3. Л. 114–118. Титульного листа не имеет. Журнал был заведен во второй половине или в конце XIX в. Находится в Отделе учета и хранения МАЭ.

³⁹ [*Гелтергоф Ф.*] Российский лексикон по алфавиту. с немецкими и латинскими переводами. 1 Часть. Изданный Франциском Гелтергофом, Профессором Публ. Экстр. в Имп. Моск. Универ. М., 1778. С. 247. Латинский перевод в данной статье проверен и исправлен Е.А. Шервуд. Ею же отмечена опечатка, заключенная при цитировании в прямые скобки. Искренне благодарю Евгению Андреевну за помощь.

⁴⁰ Дневник помощника хирурга Д. Самвелла // Третье плавание... С. 549.

⁴¹ *Лихтенберг Ю.М.* Гавайские коллекции в собраниях Музея антропологии и этнографии // Сб. МАЭ. Т. XIX. Л., 1960. С. 168–205.

⁴² *Корсун С.А.* К истории формирования коллекций по народам Центральной и Южной Америки в МАЭ // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 5–6. СПб., 1994. С. 276–278. Примечательно, что гавайские леи – не единственный океанийский предмет в бразильской коллекции № 765. Тот же К.К. Гильзен атрибутировал каменный топор с колеччатой деревянной рукояткой (№ 765-61) как океанийский. По просьбе Г.И. Дзенискевич я в апреле 1998 г. внимательно осмотрела предмет и на основании опубликованных аналогов пришла к заключению о его таитянском происхождении и очень ранней датировке. Целый ряд особенностей этого превосходного по качеству изготовления и сохранности экспоната свидетельствует о его приобретении неизвестным пока собирателем в конце XVIII или самом начале XIX в. Вполне вероятно, что бразильская коллекция № 765 содержит и другие вещи из Океании.

⁴³ Списки экспонатов, переданных в МАЭ в XX в., могут быть в данном случае исключены из рассмотрения, так как начиная с середины 90-х годов XIX в. все поступающие в музей коллекции, во всяком случае по Океании, сразу же регистрировались, и смешение их с более ранними по времени попадания в МАЭ собраниями маловероятно.

L.A. Ivanova. Cook's collection at Peter the Great Kunstkamera: myth and reality

Some ethnographical materials that had been brought to Europe from the third voyage (1776–1780) of British navigator James Cook found their way to the Kunstkamera of Peter the Great today it is the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences). The collection is known now as the «Cook's collection», but in the course of more than 200 years of its existence some of its items have become «dissolved» within other collections.

The article is an attempt at identifying feather cloaks in the composition of the Cook's collection of the Museum.